

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2023. Том 27, № 3
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 821.161.1-31
ББК ШЗЗ(2=411.2)52
DOI 10.18522/1995-0640-2023-3-98-108

ПАСХАЛЬНОСТЬ КАК СМЫСЛООБРАЗУЮЩАЯ КАТЕГОРИЯ В ПОВЕСТИ А. П. ЧЕХОВА «В ОВРАГЕ»

Штефан Липке

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Аннотация. Согласно И.А. Есаулову, приоритет в русской культуре празднования Пасхи над Рождеством приводит к подчеркиванию стремления к небесной жизни и к жертвенности. Признавая категорию пасхальности плодотворной для изучения повести А.П. Чехова «В овраге», мы в то же время предлагаем дополнить ее. Новозаветная пасхальность не противоречит, а скорее дополняет как ветхозаветную пасхальность, так и новозаветную рождественскость. Благодаря такой пасхальности социальная критика в повести приобретает более глубокий смысл.

Ключевые слова: *А. П. Чехов, И. А. Есаулов, социальная критика, Пасха, Песах, Исход, Рождество*

Для цитирования: *Липке Ш.* Пасхальность как смыслообразующая категория в повести А. П. Чехова «В овраге» // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2023. Т. 27, № 3. С. 98 – 108.

Original article

THE CATEGORY OF “PASCHALITY” AND ITS SENSE-GIVING FUNCTION IN ANTON CHEKHOV’S TALE “IN THE RAVINE”

Stephan Lipke

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

Abstract. We consider the category of “paschality”, introduced into Russian literature studies by Ivan Esaulov, in Anton Chekhov’s tale “In the Ravine”. In Russia, Easter is celebrated more solemnly than Christmas. According to I. Esaulov, this makes people give greater importance to life in Heaven and makes them ready to suffer and die in order to receive it. We recognize that the category of “paschality” can be fruitful for literature studies and, in particular, for the interpretation of Chekhov’s tale. Yet, we propose to amend it. We disagree with I. Esaulov’s opinion that giving a key importance to Easter distinguishes Russian Orthodoxy from the Christian West. But, first and foremost, we think that the paschal spirituality of the New Testament should not be juxtaposed neither to the Pascha (Passover, Exodus) of the Hebrew Bible, nor to the crucial role the New Testament gives to the Christmas mystery of the Incarnation. Instead, the paschal mystery should rather be seen as the continuation and fulfillment of both. This kind of “paschality” complements the social criticism of the tale “In the Ravine” and gives it a deeper sense. The horror described in “In the Ravine”, which reaches its culmination in the little child’s murder, is both exacerbated and softened by allusions to Christ’s birth

and to Our Lady. Besides, due to references to the salvation of little Moses and the newborn Jesus, even ex negativo the tale alludes to Lipa's and her fellow workers' future salvation and liberation.

Key words: *Anton Chekhov, Ivan Esaulov, social criticism, Easter, Passover, Exodus, Christmas*

For citation: *Lipke S. The Category of "Paschality" and its Sense-Giving Function in Anton Chekhov's Tale "In the Ravine" // Proceedings of Southern Federal University. Philology. 2023. Vol. 27, № 3. P. 98 – 108.*

Введение

Восприятие повести А.П. Чехова «В овраге» в литературоведении, уже после современной ему критики, было весьма противоречивым. В то время как находящийся в эмиграции Б.К. Зайцев констатирует, что «для марксизма могло быть в повести интересно только внешнее» [Зайцев, 1954, с. 199], советский литературовед З.С. Паперный воспринимает ее как раз в ключе реализма и жесткой социальной критики, близкой к марксизму [Паперный, 1960, с. 266–283].

В.В. Набоков уделяет особое внимание христианскому подтексту в повести и тому, что он с «неназойливостью чеховского символизма» смягчает ужас, возникающий в связи с ее фабулой» [Набоков, 1998, с. 350]; см. также [Швагрукова, 2011, с. 221].

В дальнейшем же Д. Рейфильд соглашается с позицией, что повесть, написанная для журнала левых взглядов [Чехов, 1974–1983, т. 10, с. 435], отчасти пропитана марксистским духом социальной критики, но в то же время в ней присутствует христианский дух любви к индивидуальному человеку [Rayfield, 1999, с. 194].

И не случайно также в иных статьях повесть Чехова рассматривается с точки зрения «языческого и христианского» [Пухова, 2004, с. 23–25], «ценностных ориентиров русского этноса» [Шибяева, 2001, с. 249–253] и «аксиологического аспекта» тематики конфликта в повести [Калютчик, 2022, с. 31–39], т. е. в каждом случае в аспекте моральных и религиозных ориентиров, выходящих за рамки социальной критики.

Таким образом, необходимо рассмотреть повесть в ключе сочетания социальной критики и, условно говоря, левых взглядов, с одной стороны, и христианского мироощущения Чехова, формировавшегося с помощью Библии, с другой стороны [Липке, 2015, с. 22–25].

В контексте изучения пасхальности в повести «В овраге» также значимо, что Чехову принадлежит несколько рассказов, в которых, как указывает А.С. Собенников, важную роль играет то, что на уровне сюжета и образов Чехов упоминает о праздновании Пасхи, например, «Святою ночью» (1886), «Студент» (1894) и, наконец, «Архиерей» (1902), см. подробно [Собенников, 1997, с. 121–122].

Здесь же впервые предпринимается попытка выявить плодотворность категории «пасхальность» для осознания того, что благодаря совокупности библейских мотивов в повести «В овраге» появляется смысл, выходящий далеко за рамки жесткой социальной критики, а также за рамки того, что в ключе

Набокова можно воспринять, как смягчающий эффект христианского подтекста. Это может послужить также более углубленному осмыслению данной категории, как для изучения творчества Чехова, так и русской литературы XIX и XX вв. в целом. Можно предположить, что это касается в первую очередь произведений, в которых ключевую роль играют темы смерти, воскресения и перехода из старой жизни в новую, например, поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» (особенно в изначальном замысле), а также романов «Накануне» И.С. Тургенева, «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского, «Воскресение» Л.Н. Толстого и «Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака.

«Пасхальность» как категория, которая намного глубже некоторых сюжетных линий, намеков или образов, и шире, чем мотив «воскресение», впервые выдвигается И.А. Есауловым, в частности, в его монографии «Пасхальность русской словесности» [Есаулов, 2004, с. 3–4]. Продолжая мысль Ф.М. Достоевского, Есаулов исходит из того, что как народное сознание, так и мировоззрение писателей глубоко пронизано православными традициями, даже если народ, и даже многие писатели, на сознательном уровне этого не понимают [Есаулов, 2004, с. 13].

Спецификой этих традиций, как считает Есаулов, является то, что в России, в отличие от Запада, Пасха празднуется «шире Рождества» [там же, с. 30]. Это приводит к тому, что в народном и культурном сознании доминирует не преображение земной жизни, как в «рождественском» сознании западных христиан, а стремление к небесной [там же, с. 20–24].

На наш взгляд, такое понимание пасхальности может быть весьма плодотворным, не в последнюю очередь для изучения глубинных смыслов в творчестве тех русских писателей, которых нельзя считать верующими христианами на уровне сформулированного кредо, но которые пишут под влиянием православных традиций.

Однако, как и сам Есаулов осознает, пасхальность в данном смысле «чревата» тем, что она может способствовать пропагандированию «жертвенности» ради целей и смыслов, чуждых христианству [там же, с. 18]. Именно поэтому, как нам кажется, концепция Есаулова нуждается в дополнениях.

Во-первых, противопоставление между западной и восточной традициями немного однобоко. О том, что «в западном христианстве Пасха в культурном пространстве словно бы уходит в тень Рождества» [там же, с. 21], пожалуй, может идти речь, если под «западным христианством» подразумевать католичество и конфессии Реформации в германских странах. Для католичества же романских народов и народов бывшей Испанской империи характерно множество пасхальных традиций: крестные пути, процессии с бичеванием и даже распятие добровольцев. И не случайно, анализируя рассказ, на который и Есаулов обращает внимание, а именно, «Мальчик у Христа на елке» Ф.М. Достоевского, сочетающий рождественское начало (присутствие Христа среди самых бедных детей) с пасхальным (земная смерть бедного ведет к новой жизни) [там же, с. 57–63], Т.А. Касаткина обнаруживает глубинную связь между русским православием (икона «Умиление») и итальянским католичеством (вертеп Франциска Ассизского) [Касаткина, 2015, с. 104–106].

Во-вторых, повесть А.П. Чехова «В овраге» показывает самым убедительным способом, что пасхальность, если о таковой может идти речь, не основана на пренебрежении земной жизнью. Ведь если бы Чехов предлагал такую пасхальность, то был бы прав священник, который, «подняв вилку, на которой был соленый рыжик», говорит Липе на поминках по ее убитому сыну: «Не горюйте о младенце. Таковых есть царствие небесное» [Чехов, 1974–1983, т. 10, с. 176; далее при цитатах из этого произведения указаны только страницы в круглых скобках]. Однако Чехов не согласен признать такое утешение готовым «штампом» со стороны Церкви [Simmons, 1963, с. 16; Липке, 2019, с. 227] и иронизирует над ним, показывая священника с поднятой вилкой в руке, как человека, который рассуждает о превосходстве вечной жизни над нынешней, но сам любит удобства земной жизни [Новикова, 2018, с. 241]. Также «бунт» Ивана Карамазова у Ф.М. Достоевского [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 215–224] показывает, что безропотное принятие страдания и уничтожения земной жизни ради небесного счастья вовсе не является императивом русской культуры.

На самом деле, хотя пасхальная тайна смерти и Воскресения Иисуса является основанием Нового Завета, тем не менее, в нем подчеркиваются также и реальность Воплощения [Ин 1, 14; 1 Ин 4, 2], и Рождество Его среди бедных [Лк 2, 7–18], и ценность земной жизни, восстановлением которой Иисус все время и занимается, в частности, исцеляя больных и воскрешая мертвых. Соответственно этому, и Сам Иисус, ценя жизнь, оплакивает смерть Лазаря [Ин 11, 35], а затем отнюдь не с легкостью соглашается умереть на кресте [Мф 26, 39–42 пар.; Ин 12, 27]. И как раз то, что Иисус ценит жизнь, делает Его самоотдачу не легкомысленным или поспешным поступком, а бесценным даром ради спасения всех людей.

В-третьих, не только западной, а общехристианской стоит назвать позицию святителя Григория Богослова, что «то, что не принято, не ведает исцеления» [Gregorius Theologus, 1857, с. 182–183], т. е., о настоящем спасении человечества через смерть и Воскресение Иисуса можно говорить, только подчеркивая реальность Боговоплощения.

Наконец, другая односторонность, которой стоит избегать, говоря о «пасхальности» – преувеличенное противопоставление Нового Завета Ветхому. Конечно, Есаулов прав, когда подчеркивает важность Евангелия от Иоанна для православия и ключевую роль слов «Закон дан Моисеем, благодать же и истина пришла через Иисуса Христа» [Ин 1, 17] как финального стиха евангельского чтения по византийскому обряду именно в день Пасхи [Есаулов, 2004, с. 9]. Тем не менее, пасхальные тексты в Евангелии от Иоанна так же, как в остальных Евангелиях и в апостольских посланиях, глубоко пронизаны текстами Еврейской Библии, в частности, они неотделимы от рассказа об исходе Израиля из Египта. Например, в Евангелии от Иоанна подчеркивается, что Иисус умирает, когда приближается Пасха (разумеется, Иудейская) [Ин 13, 1; 18, 28; 18, 39; 19, 14; 19, 31], и что Иисус есть истинный пасхальный Агнец, «кость [которого] да не сокрушится» [Ин 19, 36; Исх 12, 46]. Помимо того, на тематику Исхода Новый Завет намекает, подчеркивая, что Иисус с учениками

после праздничного ужина выходит из города [Ин 18, 1], где также совершается Распятие и Воскресение [Ин 19, 17–20]. И даже само слово «Пасха» происходит от еврейского «Песах», что означает «переход» – от глагола «пасах», т. е. проходить, переходить, см. [Исх 12, 11–13].

Соответственно, предлагая прочтение повести А.П. Чехова «В овраге» в свете пасхальности, мы считаем необходимым иметь в виду, что подлинная пасхальность без поспешной или даже обманчивой жертвенности предполагает рождественскость, веру в «да», сказанное Богом миру и человеческой жизни в Боговоплощении, свойственную как греческой, так и латинской теологической традиции. Она также предполагает подчеркивание связи между Ветхим Заветом и Новым.

Научная новизна данной статьи заключается в том, что впервые изучается, присутствует ли в повести «В овраге» такая пасхальность в рамках «бесконечности диалога» между читателем и Чеховым, читателем и его чувствами (здесь это преимущественно ужас, умиление при упоминании детства и надежда), между Чеховым и Библией, между пасхальными рассказами из Нового и Ветхого Завета и между ними и рождественским нарративом Евангелий от Матфея и Луки. Этот вопрос изучается с помощью концепта интертекстуальности Ю. Кристевой [Кристева, 2004, с. 16–18; см. Липке, 2015, с. 22].

Исследование и его результаты

В связи с категорией пасхальности необходимо противопоставить сфере тьмы, рабства, зла и смерти царство света, свободы, добра и жизни. Ведь уже в книге Исхода говорится о том, что Моисей, сбежавший из Египта и просвещенный Богом при Неопалимой купине, возвращается в Египет, чтобы осуществить освобождение израильтян и их переход в другой мир [Исх 3–4]. В Евангелии же говорится, что «жизнь» и «Свет истинный» приходит в тьму и светит там [Ин 1, 4–13], чтобы вывести людей из царства смерти, как показывает пример Лазаря [Ин 11, 38–44].

И на самом деле местом действия повести является овраг как «темный, недобрый мир» (с. 144); [Паперный, 1960, с. 266], который уже этим самым напоминает тот Египет, о котором рассказывает книга Исхода: это царство, в котором властные «с жестокостью принуждают» израильтян к тяжким работам, обижают их [Исх 1, 8–14; Исх 5, 10–14], что находит прямой отклик в том, как в повести Чехова Цыбукины относятся к рабочим (с. 151, 155, 163). В частности, ключевую роль в повести играет напрямую напоминающий каторгу израильтян в книге Исхода кирпичный завод (с. 160, 172–173, 181).

И как раз в этом контексте сильный рождественский мотив, причем тесно связанный с Исходом, вводится Чеховым в повесть через сюжет о младенчестве и ранней гибели Никифора («Победоносца»). Конечно, Никифор был зачат естественным путем; однако то, что Анисим очень скоро исчезает из жизни Липы и становится для нее почти неважным, в противовес ее нежной любви к сыну (с. 167), приближает Липу к образу Богородицы [Зайцев, 1954, с. 200]. Чехов рассказывает, что Никифор погибает в воде. Это напоминает,

только зеркальным образом, историю «победоносца» Ветхого Завета, Моисея, который был чудесным образом спасен от злодеев с помощью воды [Исх 2, 1–10]. На это намекается и в Новом Завете, в котором говорится, что «победоносец» Иисус Христос в младенчестве был спасен бегством, и в этом контексте также подчеркивается связь с Египтом и спасением Израиля из него [Мф 2, 13–18].

Кроме того, вряд ли являются случайными и намеки на посещение Младенца волхвами [Мф 2, 1–12]. Отсылкой к Поклонению волхвов служит эпизод, когда старик Цыбукин после дальней дороги (правда немного позже, так как он сначала «забыл про внучка-то») заходит в комнату и приносит «дар», выражая готовность помочь Липе в том, что ей нужно (с. 169–170). Затем к Липе и мертвому Никифору подходят старик и Вавила, которые Липе кажутся «святыми» (с. 174). При этом старик, подобно волхвам, проделал долгий путь, ибо объехал всю Россию (с. 175), и оба этих персонажа приносят Липе в качестве «даров» тишину и утешение (с. 174–175).

Таким образом, история младенца Никифора напоминает детство как Моисея, так и Иисуса (согласно Евангелию от Матфея). И парадоксальным образом погибший Никифор в конечном итоге все-таки становится «победоносцем». Ведь в связи с его гибелью Липу выгоняют из дома (с. 177), но ввиду того, какой ужас она испытывала – еще задолго до убийства Никифора – от поведения Цыбукиных и, в частности, Аксиньи (с. 160–161), можно с полным правом назвать это изгнание освобождением и вспомнить, что египтяне, во главе с фараоном, также «понуждали» израильтян покинуть их страну и выйти на волю [Исх 12, 29–33], даже если в дальнейшем так же насильственно попытались остановить их [Исх 14, 5–9].

Но и до того выходы из «оврага» села Уклеево связаны с освобождением. Например, во время возвращения с богомолья у Прасковьи, матери Липы, «сморщенное, всегда испуганное лицо сияло счастьем» именно оттого, что ей была дана возможность помолиться (с. 161). Это напоминает то, что Моисей еще до самого исхода испытывает близость Бога вне Египта, у Неопалимой Купины [Исх 3, 1–6]. Также сам исход представлен, как паломничество из Египта в то место, где народ призван поклониться Господу [Исх 3, 12; Исх 5, 3]. И не случайно именно во время паломничества даже Прасковья и Липа, «которые родились нищими и готовы были прожить так до конца, отдавая другим все, кроме своих испуганных, кротких душ», чувствуют, хотя бы на миг, что «и они сила» (с. 163).

Намеками на первую часть книги Исхода в повести являются также два старика-наставника, напоминающие Моисея и Аарона, причем одного связывает еще прозвище «Костыль» с посохом Моисея, а его выступления перед Цыбукиным напоминают спор Моисея с фараоном [Исх 5, 1–5; 10, с. 23].

Главным же образом с исходом Израиля из Египта связана финальная сцена повести. В ней говорится, что «шли бабы и девки толпой со станции, где они нагружали вагоны кирпичом» (с. 180). Таким образом, рабочие покидают место, связанное с кирпичом, так же как израильтяне – Египет [Исх 1, 14; 13, 17–14, 30].

Израильтян напоминает также то, что Липа идет впереди других и поет (с. 180), подобно тому как после исхода «воспела Мариам перед ними», т. е. израильтянами [Исх 15, 20–21; см. Липке, 2019, с. 228]. Даже повод для торжества похож; ведь, как пишет Чехов, Липа «пела тонким голосом, и заливалась, глядя вверх на небо, точно торжествуя и восхищаясь, что день, слава богу, кончился и можно отдохнуть» (с. 180). Конечно, строго говоря, здесь речь идет только о том, что для рабочих закончился труд одного дня и что они могут отдохнуть в течение нескольких часов. Тем не менее, контекст (выход именно из кирпичного завода и торжествующее пение) указывает на то, что это бытовое «освобождение» воспринимается, как предвкушение чего-то великого. Это уместно, если иметь в виду, что, как для творчества Чехова вообще, так и для повести «В овраге» в частности, характерен отказ от категоричности, а также и то, что «собственное знание кажется носителю точки зрения предчувствием» [Игнатенко, 2017, с. 158].

Таким образом, в этой повести появляется мотив, характерный для творчества позднего Чехова («Случай из практики» 1898; «Архиерей» 1902; «Невеста» 1903): исход из нынешней жизни становится намеком на то, что после нее может наступить новая, лучшая жизнь.

Помимо этого, в финальной сцене говорится, что «село уже тонуло в вечерних сумерках, и солнце блестело только вверху на дороге» (с. 180). Наступление вечера на дороге напоминает важную сцену пасхальных Евангелий, явление Воскресшего ученикам по пути в Эммаус [Лк 24, 29; см. Léon-Dufour, 1971, с. 210], тем более, что вечером Липа и Прасковья делятся пирогом со стариком Цыбукиным, так же, как Воскресший с учениками в Эммаусе делится хлебом (с. 180); см. [Лк 24, 30]. Этот евхаристический эпизод играет ключевую роль в пасхальном нарративе Евангелий [Léon-Dufour, 1971, с. 135].

Помимо того, что указывает на присутствие Воскресшего, вечернее деление пицей в пасхальном контексте имеет еще множество дополнительных смыслов: уже в книге Исхода сказано, что принимать участие в пасхальном пире может коренной израильтянин или инородный человек, через обрезание ставший «как природный житель земли» [Исх 12, 43–48]. Поэтому также Иисус собрал учеников на пасхальный (или, согласно Иоанну [13, 1], предпасхальный) пир, потому что ему было важно отпраздновать их связь [Лк 22, 15].

Соответственно, то, что Воскресший принимает пицу вместе с учениками, показывает, что они для Него не чужие. А это удивительно на фоне того, что при аресте все ученики оставили Иисуса [Мк 14, 27–31; Мк 14, 50], так что он мог бы быть обижен на них. О связи между приемом пищи и примирением свидетельствует особо явно то, что Воскресший, вошедший ко всем ученикам по возвращении двоих из Эммауса, желает им «мира» и призывает их не страшиться, потому что Он не «дух», и ест перед ними [Лк 24, 36–43]. Слова о том, что Воскресший — не «дух», можно понять в том смысле, что Он — не призрак, пришедший отомстить ученикам за то, что они не поддерживали Его во время ареста и суда, а Спаситель, присутствующий среди них, чтобы поделиться новой жизнью. Помимо того, то, что у Иисуса есть «плоть и кости» [Лк 24, 39]

даже после смерти и воскресения, вновь подчеркивает значимость рождественской тайны воплощения, так как и в новой жизни Иисус является истинным человеком, уже навсегда.

Еще более явно о сочетании реального присутствия Воскресшего с примирением свидетельствует финальная сцена Евангелия от Иоанна, в которой «Господь» сначала ест с учениками, а затем возобновляет узы любви между Собой и Симоном Петром, ранее сначала громко заявившим о своей преданности Иисусу, а затем отрекшимся от Него [Ин 21, 9–19; см. Мк 14, 30–31].

Именно такое же примирение происходит в самом конце повести «В овраге»: Григорий Петрович Цыбукин, ранее громко обещавший помочь Липе в том, что ей нужно (с. 170), а затем, во время нападения Аксины на Никифора и после гибели мальчика, не сдержавший свое слово (с. 172, 177), появляется перед Липой и Прасковьей подавленным и жалким стариком с такими же слезами на глазах, как Петр после отречения и в момент примирения с Воскресшим (с. 180); см. [Лк 22, 62; Ин 21, 17]. И женщины не отвергают Цыбукина, а наоборот, в отличие от толпы, как раз они, которые имели бы полное право быть обиженными на него, совершают жест примирения (с. 180). Благодаря этому становится очевидным, что, как в евангельских текстах о явлениях Воскресшего, характерными для новой жизни, наступающей после исхода из старой, станут не только свобода и спокойствие, но также общность и примирение.

Заключение

Итак, для ценностной интерпретации и выявления смысла в повести А.П. Чехова «В овраге» категория пасхальности, введенная в русское литературоведение И.А. Есауловым, весьма плодотворна, в том случае, если не противопоставлять новозаветную пасхальность ни ветхозаветной пасхальности, ни новозаветной рождественскости, а рассматривать ее скорее как продолжение и завершение и той, и другой.

Поскольку ключевую роль в повести играет образ «оврага», темного царства ужаса, которое можно сравнить с Египтом первой части книги Исхода, важным мотивом в повести является исход. В частности, вечерний «исход» трудящихся женщин и возвращение домой на отдых с идущей впереди всех с пением Липой напоминает исход из Египта и, тем самым, становится предвкушением исхода из недоброго мира, а также перехода («Песах») в новую жизнь.

Но это мыслимо только на фоне рождественского начала в повести. Образ Марии, присутствующий в описании Липы, а также намеки на волхвов и на угрозу для жизни младенца (как Моисея, так и Иисуса), отсылают читателя к событию Рождества Христова, усиливая умиление, вызванное рождением Никифора. Все эти отсылки, с одной стороны, усиливают ощущение ужаса, который читатель испытывает от убийства Никифора. С другой стороны, парадоксальным образом как раз гибель Никифора приводит к выходу Липы из недоброго мира Цыбукиных и, тем самым, к ее освобождению.

Наконец, на фоне умиления рождением младенца, описания ужасов темного мира и рассказа о выходе из него и переходе в новую жизнь, выглядит

необычной и в то же время очень значимой сцена примирения в самом конце повести. В том, что Липа и Прасковья под вечер делятся пирогом со стариком-Цыбукиным, актуализируется общинный характер пасхального пира перед исходом Израиля из Египта и накануне смерти Иисуса на кресте, а также примирение и празднование общности, которое совершается, когда Воскресший делится пищей (в т. ч. хлебом) со всеми учениками, а в первую очередь – с двумя учениками, шедшими в Эммаус, и с Симоном Петром.

Тем самым снимается и противоречие, бытовавшее в традиции критики: повесть «В овраге» – социально-критическое произведение, близкое к марксизму, или же произведение христианского духа? Благодаря рождественским мотивам, социальная критика в повести одновременно обостряется ужасом и смягчается умилением. Связь с повествованием об исходе Израиля из Египта и переходе («Песах») придает повести пафос надежды на новую жизнь. В свете же рассказов Нового Завета о явлениях Воскресшего и о делении хлебом между Ним и учениками эта новая жизнь характеризуется, помимо свободы и спокойствия, также общностью и примирением.

Список источников

- Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
- Есаулов И.А.* Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ, 2004. 560 с.
- Зайцев Б.К.* Чехов: Литературная биография. Нью Йорк: Изд-во имени Чехова, 1954. 262 с.
- Игнатенко А.В.* Импрессионистские черты в творчестве А.П. Чехова на примере повести «В овраге» // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 2А. С. 155–162. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29902044_35104806.pdf.
- Калютчик Н.Ф.* Конфликт в повести А.П. Чехова «В овраге»: аксиологический аспект // Журн. Белорусского гос. ун-та. Филология. 2022. № 2. С. 31–39. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49464466_28087289.pdf
- Касаткина Т.А.* «Мальчик у Христа на елке»: Структура образа в произведениях Достоевского // Достоевский и христианство. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. С. 102–112. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_37056358_50363442.pdf.
- Кристева Ю.* Разрушение поэтики // Избр. тр.: разрушение поэтики. М.: РОССПЭН, 2004. С. 5–30.
- Липке III.* Интертекстуальность в повести А.П. Чехова «В овраге» и функции библейских текстов // Вестн. Томского гос. ун-та. 2015. № 390. С. 22–25. DOI: 10.17223/15617793/390/4. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23142954_19307839.pdf.
- Липке III.* Антропология художественной прозы А.П. Чехова: неизреченность человека и архитектоника произведения. М.: Институт св. Фомы, 2019. 256 с.
- Набоков В.В.* Лекции по русской литературе: Чехов, Достоевский, Гоголь, Горький, Толстой, Тургенев. М.: Независимая газета, 1998. 435 с.
- Новикова М.Э.* Специфика событий в повести А.П. Чехова «В овраге» // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сб. материалов V (XIX) Международ. конф. молодых ученых / под ред. Е.О. Третьякова. Томск: STT, 2018. С. 241–242. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_37007393_96919381.pdf.
- Паперный Э.С.* А.П. Чехов: Очерк творчества. 2-е, доп. изд. М.: Гослитиздат, 1960. 300 с.

Пухова Т.Ф. Языческое и христианское в повести А.П. Чехова «В овраге» // Вестн. Воронежского гос. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. 2004. № 2. С. 23–25. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_18208713_82157876.pdf.

Собенников А.С. «Между “есть Бог” и “нет Бога”...»: (о религиозно-философских традициях в творчестве А.П. Чехова). Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 1997. 224 с.

Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1974–1983.

Швагрукова Е.В. Творчество А.П. Чехова в «Лекциях по русской литературе» В.В. Набокова // Чехов и время: сб. ст. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2011. С. 214–226. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_26130157_75136239.pdf.

Шибяева Н.Б. Ценностные ориентиры русского этноса (на примере рассказа А.П. Чехова «В овраге») // Освоение семантического пространства русского языка иностранцами: сб. материалов междунар. науч.-практ. онлайн-конф. Нижний Новгород: НГЛУ, 2021. С. 249–253. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_45766572_59825417.pdf.

Gregorius Theologus. Epistola 101 // Sancti Patris Nostri Gregorii Theologi vulgo Nazianzeni, Archiepiscopi Constantinopolitani, Opera quae exstant omnia. Tomus tertius. Lutetiae Parisiorum: Migne, 1857. P. 176–194.

Léon-Dufour X. Résurrection de Jésus et message pascal. Paris: Éditions du Seuil, 1971. 392 p.

Rayfield D. Understanding Chekhov. Madison: The University of Wisconsin Press, 1999. XVII, 295 p.

Simmons E.J. Chekhov: A Biography. London: Jonathan Cape, 1963. X, 669 p.

References

Chekhov A.P. (1974–1983) *The complete collection of works and letters: in 30 vol.* Moscow, Nauka publ. (In Russian).

Dostoevsky F.M. (1972–1990) *The full collection of works in 30 vol.* Leningrad, Nauka publ. (In Russian).

Esaulov I.A. (2004) *Paschality in Russian literature.* Moscow, Krug publ., 560 p. (In Russian).

Gregorius Theologus. Epistola 101. (1857) *Sancti Patris Nostri Gregorii Theologi vulgo Nazianzeni, Archiepiscopi Constantinopolitani, Opera quae exstant omnia. Tomus tertius.* Lutetiae Parisiorum, Migne, pp. 176-194. (In Latin and Greek).

Ignatenko A.V. (2017) Features of impressionism in A.P. Chekhov's works by the example of the story “In the Ravine”. *Culture and Civilization*, Vol. 7, № 2A, pp. 155-162. (In Russian). Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29902044_35104806.pdf.

Kalyutchik N.F. (2022) The conflict in the story by A.P. Chekhov “In the Ravine”: axiological aspect. *Journal of the Belarus State University. Philology*, № 2, pp. 31-39. (In Russian). Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49464466_28087289.pdf.

Kasatkina T.A. (2015) “The Little Boy at Christ’s Christmas tree”: the structure of the image in Dostoevsky’s works. *Dostoevsky and Christianity.* Saint-Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., pp. 102-112. (In Russian). Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_37056358_50363442.pdf.

Kristeva J. (2004) The destruction of the poetics. *Selected works: the destruction of the poetics.* Moscow, ROSSPEN Publ., pp. 5-30. (In Russian).

Léon-Dufour X. (1971) *Résurrection de Jésus et message pascal.* Paris, Éditions du Seuil. 392 p. (In French).

Lipke S. (2015) Intertextuality in A.P. Chekhov's tale "In the Ravine" and the function of biblical texts. *Herald of the Tomsk State University*. № 390, pp. 22-25. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/390/4. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23142954_19307839.pdf.

Lipke S. (2019) *Anthropology in A.P. Chekhov's fictional prose: the human being's ineffability and the architectonics of the work*. Moscow, St. Thomas Institute Publ. 256 p. (In Russian).

Nabokov V.V. (1998) *Lectures on Russian Literature: Chekhov, Dostoevsky, Gogol, Gorky, Tolstoy, Turgenev*. Moscow, Nezavisimaya Gazeta Publ. 435 p. (In Russian).

Novikova M.E. (2018) Specificity of events in the story "In the Ravine" by A.P. Chekhov. *Current problems of linguistics and literature studies*. Tomsk, STT Publ. pp. 241-242. (In Russian). Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_37007393_96919381.pdf.

Paperny Z.S. (1960) *A.P. Chekhov: a sketch of his art*, 2nd, amended edition. Moscow, Goslitizdat Publ. 300 p. (In Russian).

Pukhova T.F. (2004) Pagan and Christian elements in A.P. Chekhov's tale "In the Ravine". *Voronezh State University Herald: Philology, Journalism*. № 2, pp. 23-25. (In Russian). Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_18208713_82157876.pdf.

Rayfield D. (1999) *Understanding Chekhov*. Madison, The University of Wisconsin Press Publ. xvii, 295 p.

Shibaeva N.B. (2021) Valuable attitudes of the Russian ethnos (on the example of "In the Ravine" by A.P. Chekhov). *The owning of the semantic space of the Russian language by foreigners*. Nizhniy Novgorod, NGLU Publ. pp. 249-253. (In Russian). Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_45766572_59825417.pdf.

Shvagrukova E.V. (2011) A.P. Chekhov's art in V.V. Nabokov's "Lectures on Russian Literature". *Chekhov and time: a collection of essays*. Tomsk, Tomsk State University Publ. pp. 214-226. (In Russian). Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_26130157_75136239.pdf.

Simmons E.J. (1963) *Chekhov: A Biography*. London, Jonathan Cape Publ. x, 669 p.

Sobennikov A.S. (1997) "Between 'there is a God' and 'there is no God'..." (on religious and philosophical traditions in A.P. Chekhov's art). Irkutsk, Irkutsk State University Publ. 224 p. (In Russian).

Zaytsev B.K. (1954) *Chekhov: a literary biography*. New York, Chekhov Publ. 262 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Липке Штефан – канд. филол. наук, доцент, факультет гуманитарных и социальных наук, stephanlipkesj@gmail.com

Information about the Author

Stephan Lipke – Ph.D. of Philology, Faculty of Humanities and Social Sciences, associate professor, stephanlipkesj@gmail.com

Статья поступила в редакцию 27.01.2023; одобрена после рецензирования 23.06.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 27.01.2023; approved after reviewing 23.06.2023; accepted for publication 23.06.2023.